

К. С. АКСАКОВ

Значение столицы *

Значение столицы в высшей степени важно для государства. Столица есть средоточие (центр) для государственных и народных сил: к ней притекают оне со всех сторон и, вырабатываясь в ней разнообразно, идут оне из нея во все стороны. Хорошо, если столица, будучи (непременное условие) серединою страны во отношении нравственных и материальных ея сил и деятельности, есть в то же время середина страны и в географическом отношении.

Столица, с одной стороны, есть центр народный, с другой — центр правительственный. Столица как центр народный дается естественным ходом истории, подвигом народной жизни; народный центр произвольно сочинен и выдуман быть не может. Столица как центр правительственный может подлежать государственному произволу, может быть искусственно и насильственно постановлена. Столица тогда достигнет своего полного назначения, тогда благотворна вполне для страны, когда она есть центр народный и правительственный вместе или, другими словами, когда центр правительственный находится в центре народном. Разум, смысл народный необходим для столицы правительственной, ибо в ней должно быть понимание страны, которою она управляет, в ней должны быть прямые, непосредственные, живые связи со странюю, — а для этого необходимо находиться внутри самой страны, в середине народа. Поставьте правительственную столицу за границей, вообразите себе ее без всякой

* Эта статья или, точнее, записка, была написана в 1856 году, вслед за «Запиской о внутреннем состоянии России», представленной в 1855 году покойному Государю, и предназначалась для той же цели. Отрывки из этой записки были напечатаны в «Дне», изд. И. С. Аксакова. (Прим. редактора «Руси». — *Ред.*)

живой связи с народом, — что выйдет? Все действия правительства будут неудачны, несмотря на все желания принести пользу, несмотря на всю покорность народа. Роковое бывает это явление, когда теряется в правительстве внимание страны, и всякое правительственное действие бьет мимо благой цели, идет криво и косо: все становится невпопад, все обращается во зло. Правительство является невольным мучителем народа: народ является более или менее покорною жертвою. И нет возможности поправить дело, пока нет возможности приобрести *понимание* страны. Такое явление бывает именно тогда, когда столица не имеет ни исторических, ни современно-народных, никаких живых связей со страной, другими словами: когда центр правительственный отделен от центра народного.

Такое явление представляет нам теперь наше отечество, Россия, у которой столица Петербург. Петербург поставлен на самом краю неизмеримого Русского государства, Петербург находится не только не в середине государственного племени, не только не среди Русского народа, но совершенно вне его, среди племени Финского, среди Чухонь: Петербург принадлежит географически к России или, лучше, к владениям ея, но он находится за чертою русской жизни, за чертою коренной, настоящей России, к которой присоединились все эти владения, которая создала и которая держит все это неизмеримое государство. Одним словом, Петербург есть *заграничная столица России*. Можно ли вообразить Российское государство без Русского народа? Вы можете вообразить себе Российское государство без Финляндии, без остзейских провинций, без Польши, но без Русского народа Российское государство и вообразить нельзя, — без него оно невозможно. Следовательно, Русский народ значит все в Русском государстве. Нельзя не признать его основою, на которой все построено, которою все держатся, нельзя бы, кажется, не принять его в расчет, нельзя им пренебречь. Что же мы видим? Пренебрежен именно Русский народ. Столица России находится вне Русского народа, столица России — за границей. Петербург не имеет с Россией никаких ни исторических, ни современных живых, связей. Петербург не воспитывался, не возрастал на Русской почве, в русском духе, не срастался с Россией, как другие русские города; он был поставлен вдруг на берегах моря, построен по иностранному плану, на иностранной земле и назван иностранным словом. И этот Петербург — город иностранный, город заграничный — столица России¹.

Петербург — столица России! Вот разгадка того внутреннего неустройства, в котором находится теперь Россия. Вот ключ к

уразумению того всеобщего запутанного положения, до которого дошли все наши дела, и внутренние, и внешние. Вместе с новой столицей, Петербургом, теряется понимание России. Но нужно было полтора столетия лет существования Петербурга в звании столицы, чтобы расшатать могучие, и вещественные, и нравственные, русские силы, расшатать до того, что стал сношен, стал возможен для России мир на основании трактата 18 марта 1856 года: ибо, конечно, такой мир есть лучшее доказательство совершенного расстройств страны. Нужно было полтора столетия лет петербургского периода, чтобы довести Россию до того состояния, в котором она теперь находится, которое давно, более или менее, известно нам, подданным, которое выступило в эти годы ярко и для правительства, и которое грозит гибелью, если не примутся против него меры верные и скорые, если не возвратят России ее родного воздуха, который один может исцелить ее. А чтоб возвратить России русский воздух, надобно чтобы наше правительство вернулось к нам из-за границы.

Вникнем ближе в дело и постараемся понять подвиги и значение Москвы и Петербурга.

I

Москва не *вдруг*, а *постепенно* стала столицей России. Небольшой город вначале, Москва росла в своем значении и наконец выросла, так сказать, в столицу.

Столица в каждой стране имеет великое значение, но особенно в России, где одна столица сменила другую. Столица в России всегда давала свой особый характер целой эпохе и недаром именуется *Царственный град*. Судьбы России выражаются и определяются ее столицами.

Средоточие в России переходило из города в город. Не говорим о Новгороде, который был только передовою стоянкою для призванного княжеского рода. Первое средоточие видим мы в Киеве. Вот первая Русская столица, еще далеко не выполняющая всего своего значения, ибо государство тогда не устроилось, не сложилось в одно целое, а еще волновалось и бродило, так сказать. Киев был для князей наших — дом отцовский, и междоусобие было между ними за честь обладать этим домом. Честь эта ставилась выше всего. Могущественное Суздальское княжение не утешало Юрия Долгорукого, основателя Москвы. Все мечты его стремились к Киеву, которого всю жизнь добивался он и, наконец, добился. Но после Юрия скоро семейное чувство уступило

место государственным требованиям. Выгода материального могущества взяла перевес и заслонила чувство семейной чести. Андрей, сын Юрия, не уважал Киева. Суздальская рать взяла Киев, но Андрей в нем не остался. Он предпочел свое могущественное княжество Суздальское, и Владимир, главный город, стал стольным городом России. Новая столица имеет уже другой смысл. Вместе с нею материальная сила выступила вперед; Владимир был не почетнее, а могущественнее других городов. Спор шел также и за Владимир, но спор о *чести* перешел вскоре в спор о *силе*. Владимир уже не мог иметь такого исключительного значения, какое имел Новгород, — и понятно. Как скоро неоспоримое преимущество Киева потеряло свое значение, как скоро речь пошла о могуществе государственном, тогда всякое княжество, всякий город мог со своей стороны стремиться к этому могуществу, уже не только за *Владимир*, но и с *Владимиром*. Очевидно, что Владимир не мог оставаться долго стольным городом, ибо его преимущество было преимущество спорное. И точно, споря с ним, поднялись и усилились Тверь и Рязань и назвались, так же как и Владимир, Великими княжествами. Мало было одного материального превосходства силы, чтобы быть столицей; нужна была мысль, нужно было внутреннее значение, которое дало бы прочность и право. Владимир не имел этого значения. Наконец, рядом с ним мало-помалу поднялось Москва. Она, как и другие княжества, постепенно усилилась и стала могущественною. Петр-митрополит перенес в нее метрополию и пророчествовал о будущей ее силе и славе.

Скоро обнаружилось великое значение Москвы, то значение, которое одно дарует право быть истинною столицей страны. Москва внесла мысль о *всей* Русской земле и вместе о нераздельном государстве Российском. Пришло время единой Русской земле, доселе разделенной дроблением государственным, быть, наконец, и единым государством. Москва подняла знамя *всей России* и стала столицей. Она, скажем выражением древним, *собрала* Русскую землю. Первый союз русских княжеств под знаменем Москвы был на Куликовом поле, против общего врага, татар. При Иоанне III мысль Москвы высказалась яснее, когда наименовался он князем уже не московским, а всея России. Целость земли и целость государства — вот до чего должна дойти страна. Как скоро это достигнуто, — подвиг строения завершен, страна устроилась, сложилась, и ей остается только, не теряя этой целостности, идти решительным путем совершенствования, с большей ясностью и силой сознавая свои начала и совершая свой народный подвиг в общем деле человечества. Столица, возникшая в мину-

ту государственного единства и народного единства страны, скажу более, даровавшая, утвердившая и выразившая это единство, есть истинная столица. Такова Москва. Сознывая целость Земли и целость Государства, Москва признавала существование, значение и право как Земли, так и Государства. Итак, с Москвою начался новый период: единодержавия для Государства и целости для Русской земли. Как бы в проявление единства Государства и единства Земли, как бы в выражение ясного самосознания Русской страны первый единодержавный Царь созывает первый Земской Собор. Земля и Государство в новом постоянном своем виде единства и целости встречаются и видятся лицом к лицу в Москве, на Соборе, и утверждается между ними дружественный, полный доверия союз. Земля признает за Государством неограниченную правительственную власть, Государство признает за Землею полную свободу духа и жизни. Москва, где таким образом Земля и Государство подали друг другу руку, представляет желанное согласие обоих элементов, государственного и земского, желанный союз Царя и народа. Весь дальнейший ход России во все время Москвы как столицы определяется этим союзом. Неоднократно требовало Государство мнения Земли; неоднократно Царь призывал Русский народ на совет. Здесь не место входить в подробности о мудрых внутренних мерах и действиях Русских царей, ни о внешних их успехах, приобретениях и расширении пределов Русского государства. Скажем только, что, собранная Москвою, Россия крепла внутри, ширилась извне, что какою-то неведомою силою потянулся к ней Восток, стали подаваться ей азиатские орды; единоверная Грузия обратила к ней с надеждою свои взоры, и еще при Борисе построены были три крепости в Дагестане. Водворяя единство, Москва не хотела водворять единообразия; местные особенности уважались в период Москвы. В этом-то и состоит сила истинного, живого единства, чтобы разнообразие могло поддерживаться и чтобы жизнь развивалась всеми сторонами, находя себе опору в беспристрастном центре. В Божием мире видим мы глубокое единство в бесконечном разнообразии.

Не имея намерения проследить здесь все исторические судьбы России, скажем лишь о том, что идет к делу. Страшное испытание постигло едва окрепшую Россию, наступили смутные времена междоусобия, — и в эту-то минуту, когда все силы Государства были разбиты в прах и когда Земля встала против врагов, — в эту-то минуту от имени всего Русского народа Москва признается и именуется столицею России. Москву освобождает народ, в ней выбирает он вновь Царя и вновь с полною доверен-

ностию вручает ему судьбу свою. Благополучно перенесены, по милости Божией, страшные испытания, Россия, со своею столицею Москвою во главе, быстро укрепились силами и внутренними, и внешними. Южная Русь, со своим Киевом и священными и славными воспоминаниями, примкнула к Москве, и Россия возвратила драгоценную часть себя самой. Сознав необходимость просвещения, спешила Россия, не подавляя коренных своих начал, воспользоваться открытием Европы, чтобы идти сознательно по этому пути. В Москве была основана Академия. После невзгод государственных Москва начинает благой подвиг просвещения.

Итак, во время Москвы Русская земля явилась в своей целостности; отношения *единого Царя и всей Земли* установились и определились явственно; союз, исполненный доверенности, утвердился между Царем и народом. Таким образом на русских самостоятельных началось и воздвиглось гражданское русское устройство. Русская жизнь двинулась своим самобытным путем. Россия, окрепшая в своих силах, расширявшаяся извне и утверженная на своих коренных жизненных основах, начинала широкий путь собственного своего труда в общем человеческом деле. И все это в эпоху, когда Москва была столицею Земли и Государства.

Кроме смысла всей русской истории, громко говорящей о неразрывности Москвы и России, есть отдельные указания о том же. Замечательно, что Иоанн IV в эпоху своего княжения, отчуждаясь от России страшными делами своими, не мог как будто оставаться в Москве. Ему тяжело было жить в ней; он удалялся в Александровскую слободу, где перед ним не стояли живым упреком многолетние московские святыни и весь смысл русской столицы. Еще замечательнее, что, когда Лжедмитрий завладел государством русским, когда замыслил он попрасть русскую народность и даже самую веру, то иезуиты, дальновидность которых не подлежит сомнению, советовали самозванцу, для успеха таких его намерений, оставить Москву и основать новую столицу. Но самозванцу не было времени исполнить совет иезуитов.

Москва, столица Царя и народа, чтимая и любимая и тем и другим, прошедшая сквозь множество испытаний, продолжала совершать свой благой подвиг как средоточие всей России. Так шло дело до конца XVII или, лучше, до начала XVIII столетия.

II

На рубеже XVII века в России явился гениальный Царь, исполненный энергии необычайной, силы духа необъятной... Дар

силы есть великий дар, но дар опасный: направленная в ложную сторону, она может делать столько же вреда, сколько и пользы, если направлена во благо. Богатырь чувствует превосходство сил и невольно склонен к исключительности; возвышаясь над другими людьми, он готов презирать их; невольно увлекается самим собою и легко поддается соблазну деспотизма. Нужна особая еще, *высшняя* сила духа, которая бы смирила невольную гордость и самонадеянность гениальности, заставила бы понять, что никогда отдельное лицо не может быть выше и умнее своего народа, выше и умнее его самобытных начал, его духовного подвига, предлежащего ему в общем человеческом труде народов, — смирила бы и обратила все силы гения в силы чисто служебные, смиренные и кроткие. Повторим: дар гениальности, дар силы — есть дар опасный. Гениальнейший из людей, Петр был увлечен своею гениальностию. Он взглянул на Европу: открытия, изобретения, вместе с тем утонченность и вольность нравов, приличие, разрешающее и извиняющее порок и разврат, простор страстям человеческим и блеск наружный, — поразили его взор. Он взглянул на Россию: совершающая трудный путь самобытного развития, старающаяся усвоить все хорошее, но не переставая быть собою, медленно идущая вперед, признающая народ всегда народом, не одевающая разврата в приличие и благоверность, вовсе не блестящая внешним блеском, исповедующая перед гордой Европой иные, не эффектные начала смирения и духовной свободы, глубоко верующая, тихо молящаяся, показалась России Петру невежественною странюю, в которой нет ничего хорошего, кроме доброго, отличного народного материала. Петр не усомнился разом осудить всю жизнь России, все ее прошедшее, отвергнуть для нея возможность самости и народности.

Россия воздвигалась на своих началах, совершая свой историко-человеческий подвиг, передаваемый ею непрерывно, от века веку, от поколения поколению. Петр хотел заставить ее отречься от ее начал, разорвать связь с ее преданием. Россия долго и трудно строилась по своему образцу; все переломать и все выстроить заново по образцу иностранному — вот на что решился Петр. Он поставил себя таким образом выше жизни целого народа, выше его народности; он счел всю прошедшую до него историю России — за ошибку, — и вот началось преобразование, переделка России. Все прежние отношения государственные рухнули; союз Царя с народом был разорван, все начала русские были отвергнуты, и устройство чуждое стало вводится. План, архитектура здания и мастера были выписаны из-за границы; Россия должна была давать только свой славный материал. Петр

требовал, чтобы Россия приняла от Европы не только общечеловеческое просвещение, но и самую национальность европейскую, ради которой вытеснялась русская народность, даже в одежде. Он требовал, чтобы Россия отказалась от своей самостоятельности, не соображая, что полезно и плодотворно только то чужое, которое народ может *усвоить себе самостоятельно*, соблюдая всю свою народность, и что если хорошо *усвоить* чужое, то дурно *усвоиться* чужому. Увлеченный иностранцами, Петр стремился обратить русских в иностранцев и, ценя природные качества русского народа, ум и восприимчивость, надеялся этого достигнуть с блистательным успехом. Но только при *народности* может иметь народ *общечеловеческое* значение. И если в Европе уважается народность французская, английская, германская, если это не мешает, а напротив, это-то и дает возможность этим народам быть народами общечеловеческими, то каким же образом Русский народ должен был отказаться от своей народности? Но Петр об этом не думал. Сильный гений увлекся своей страстью к блестящей Европе, — и впал в односторонность, которая, при страшной энергии его характера, при могуществе воли Петра Великого глубоко потрясла основы России и надолго двинула ее на чуждую дорогу.

Такое стремление к изменению всей природы русского человека, всех его верований и обычаев неминуемо должно было сопровождаться гонением на все русское — так и было. Царь разорвал союз любви и жизни со своим народом. Разорвав этот союз, оставив народ, Царь должен был оставить и Москву, русскую столицу, сердце русской жизни, средоточие всей русской народности. Правительство должно было искать себе нового центра. Царь расстался с народом и Москвою и построил себе *свою* столицу на западной крайней оконечности Русского государства, на болотистой местности Финского Залива, только что приобретенной русским оружием. Новая столица была необходима Петру для успеха его дела, для торжества над русской народностью. Таким-то образом Москва была оставлена, и воздвигнута новая столица, столица, в которой не могло быть этих докучливых элементов: народности жизни, мнения общественного и вообще родовой силы. Совет иезуитов, наконец, исполнился.

Нашли пустынное и дикое место, где не было признаков не только русской, но и никакой народной жизни, место, вполне соответствующее иностранному и насильственному значению новой, имеющей воздвигнуться, столице. Это был топкий, нездоровый берег Финского Залива, на котором кое-где жили чухонцы. Здесь-то было решено поставить новый царственный град для

России. На построение его Петр обратил Русские силы. Сотни тысяч плотников, каменщиков и всяких рабочих были согнаны туда со всей России и легли по чуждым топким берегам Финского Залива. На русских костях воздвиглася новая столица России. Все богатства ея, все силы пошли на укрепление и украшение нового города, — и столицей России стал Санкт-Петербург. С удивительною верностию все в этом перевороте соответствовало одно другому, выходя логически из главных оснований: поклонение Западной Европе, отчуждение правительства от всей Русской земли и деспотизм, отсюда вытекающий. Отвлеченному от народа правительству необходим был новый центр. Петр не мог сдвинуть с места столицы народной. Отрывая правительство от Земли, от мог только отделить правительственную столицу от народной. Он это и сделал. Правительство отделилось от народа, правительственная столица от народной, и в России явились две столицы: Москва — столица народная и Петербург — столица правительственная. Русский Царь, разорвавший союз с народом, предавшийся иностранному духу и обратившийся в деспота, принял иностранное название императора, хотя титул Царь нимало не был ниже этого титула. Новая правительственная столица, воздвигнутая Петром насильственно на краю государства, по русским костям, получила иностранное именование: Санкт-Петербург.

Отсюда начинается петербургский период, период внутреннего раздвоения России, совершенного отчуждения правительства от народа.

Вся администрация, вся государственная правительственная деятельность была перенесена в Петербург. Понимание правительством России было потеряно. При непонимании России правительством, при деспотизме, соединенном с этим непониманием, должно было развиваться внутреннее зло, которое, наконец, должно было выступить наружу и выразиться ослаблением даже и внешних правительственных сил. Законы писались, устройство внутреннее оставлялось, принимались меры, и все государство управлялось — в Петербурге, городе заграничном относительно Русской земли. Россия давала только средства для администрации, ей чуждой. И точно: в России так было много сил, так велик был запас нравственных и исторических средств, что петербургская администрация явилась сперва облеченная в страшное могущество. Долго надо было тратить несметное богатство сил и средств Русского народа, покуда, наконец, оно оскудело. Стремясь лишь ко внешнему могуществу, Петр, пользуясь силами, на иных, самородных началах еще до него возникшими, быстро

воздвигнул это государство, и блеск побед и приобретений ослепил умы. Блеск военного могущества, основанного на древних русских силах, продолжался при преемниках Петра, — и при Екатерине достиг высшего развития. Но внутренняя язва, неминуемое следствие отчуждения правительства от России, следствие сосредоточения всех жизненных сил вне России (ибо Петербург находится за границей и только географически ей принадлежит), эта внутренняя язва, скрываемая за блеском и громом внешних побед, шла, усиливаясь, распространялась рядом с внешними успехами. Этот ровный прогресс той и другой стороны, наружного блеска и внутренней порчи, был внезапно нарушен на время. Наступил 12-й год. Государства потрясались; враги вошли в пределы России. Правительство обратилось с воззванием к Москве и народу, дало обет соблюсти честь России и не полагать меча, пока хоть один враг будет в ее пределах. Император поспешно прибыл в Москву как в средоточие всех русских сил. Твердо и решительно поступило государство, еще не потерявшее в то время энергии. Дружно и пламенно отозвался народ на призыв государства, — и вспыхнула народная война, — и в ту минуту, когда народ принял участие в борьбе, когда земля Русская поднялась на защиту против врага, в эту минуту неразрывная с народом, Москва, столица народная, вновь явилась на первом месте, вновь с нею и Россия. — Стало ясно, что еще жива сама родина Русской силы. — Но прошла гроза, и все пришло в прежний свой порядок, — и великая эпоха 12-го года подействовала, быть может, на сознание общественное, но не изменила петербургской системы. Правительство, убедясь в могуществе России, с еще большей уверенностью пошло прежним иностранным путем, еще теснее прилепилось к Западной Европе, устремля силы России на поддержку европейского порядка и благоустройства, еще более стало дорожить внешним могуществом, военною силою, забывая о внутренней России, с каждым годом более и более отчуждаясь и стесняя общественное мнение и слово: и соответственно с тем страшная внутренняя язва — порча общественной нравственности, корысть, ложь, рабское унижение — пошла еще быстрее и успешнее своим путем. Чем далее, тем более расходились Царь и Россия. Пребывая в Петербурге, правительственная власть с каждым часом удалялась от понимания России, довольствовалась отчетами своих министерств и украшала Петербург гранитом и мрамором, обращая всю Россию в одну огромную оброчную статью, собирая солдат и деньги и закрывая глаза на остальное. От дурного устройства гибли солдаты во время мира больше, чем во время войны; деньги тратились более всего на войска, на во-

енно-учебные заведения, на великолепные постройки, на подарки, на украшение Петербурга, на роскошь — и притом раскрадывались во все стороны. Но были набираемы новые солдаты и новые деньги: и то и другое еще пока могла давать истощенная Россия. Сорокалетний мир окончательно ослабил и изнурил ее силы. Но в Петербурге зато пировали и веселились, не понимая, что и веселье, и роскошь, и успехи, покупаемые ценой истощания народных сил, наконец истощат эти силы и когда-нибудь сменяются мрачным и бесславным унынием. Уверенность правительства в своем военном могуществе была беспредельна; и точно, казалось бы, как не быть могуществу военному, когда почти на него только и обращало внимание правительство? А между тем внутренняя язва уже проникала по всем ветвям управления, и под блестящею наружностью таилась порча.

Уже полтора столетия Петербург — столица России, уже полтора столетия лет управляется Россия из Петербурга, заочно, так сказать... В эти полтора столетия были блестящие подвиги в русской истории; пределы России расширились, были славные победы, но внутренняя язва подвигалась с ними вместе. Все эти блестящие подвиги могли быть только временным явлением, могли иметь место, покуда внутренняя язва еще не дошла до широких размеров. Опасно поэтому увлекаться блеском екатерининских времен: система этой эпохи была та же. Вся разница в том, что тогда внутреннее зло не приобрело еще такого могущества, и эта система — система отчуждения от народа, подавления всякой нравственной свободы, угнетения всякого общественного мнения — не дошла еще до своего ожесточения.

Одним словом: русское правительство и Русская земля еще не разошлись тогда (при Екатерине) друг от друга, как впоследствии. Чем далее, тем сильнее становилось зло, с логической необходимостью вытекая из ложной точки отправления. Внешнее могущество, по-видимому, крепло, число войск увеличивалось, армии нарастали, как твердая кора на дереве, — а внутри все жизненные силы поражались более и более этой беспощадною язвою общественного разврата и правительственного непонимания. Долго могучее дерево, пересаженное на не свойственную ему почву, хранит крепость наружности и твердость коры, — а внутри уже давно завелся червь неусыхающий, он точит сердцевину незаметно. Не хотят верить предостережениям, глядя на внешний вид, на жесткую кору; но первый удар — и кора, лишенная сердцевины, ее поддерживающей, треснет, несмотря на свою крепость, и внутренняя гниль откроется изумленным взорам.

Наступила, наконец, для России минута испытания, минута обличения во лжи. После долгого мира началась европейская война *. В начале войны было произнесено русским правительством великое слово, способное обновить русские силы, возродить к новой жизни народ: слово веры и братской любви. Знают ли в Петербурге о том могучем действии, какое произвело в России действие этих слов: *за веру, за братьев*? Знают ли, что и народ, и войско радостно готовы были идти на такой подвиг? Но верят ли в Петербурге в веру и святую истину этих слов? Понимают ли по крайней мере, что сила духа всегда будет сильнее всех сил? Казалось, наступила новая эпоха. В своей борьбе за веру и братьев, казалось, проснется все доброе в душе человека, все нравственные силы; но правительство было уже не то, что сорок лет тому назад. Оно не имело мужества идти против всех опасностей, лишь бы не оставить священного знамени, поднятого им; оно уже не ценило собственных слов своих, сказанных всенародно; ему уже не стыдно было возбудить напрасно Русский народ и отступить от слов своих. Царь не спешил приехать в Москву. Не одна Россия, но и другие православные и славянские народы готовы были и в то время двинуться все за святое дело. Но робость, незнание своей страны, вследствие отдаления от нее, — робость и недоумение овладели правительством, какие-то пугающие призраки, навеянные иностранным воззрением, обступили его; оно бросило знамя, им поднятое, отказалось от слов, им сказанных, несмотря на то, что было призвано имя Бога, что было изречено: *кого убоимся*? Войска наши вышли обратно из Дунайских княжеств. Весть об этом оледенила всякий порыв, всякое одушевление, и с этой минуты исчезло народное доверие, дающее бодрость и успех, — и осталось лишь одно неизменное сострадательное мужество, которое дает силу пасть героически, но не победить. В то же время, рядом с робостью и слабодушием правительства, открылась вся испорченность внутреннего неустройства, весь государственный разврат, беспорядки управления, неумение распорядиться, отсутствие способностей, недостаток и бессилие средств военных и всяких других: ни оружия, ни розог, ни честности, ни правды, ложь и грабеж везде. Вот она, страшная внутренняя язва: она вышла, похоже, наружу. Мужество войск наших осталось то же, но только одно мужество, почти, можно сказать, безоружное и лишенное того победоносного вдохнове-

* Автор понимает войну 1853—1855 гг. (Прим. редактора «Руси». — *Ред.*).

ния, которое сообщается уверенностью в твердости правительства. — Наконец, правительство обратилось с запоздалым воззванием к народу; но это не был манифест 12-го года; слова не имели теперь в себе ни решимости, ни силы. В манифесте говорилось о мирных условиях, а в то же время ополчение призывалось, и вместе повелевалось. Такой манифест со словами о мире, и еще на условиях врагов, не произвел, не мог произвести одушевления. Слышалось, что нет у правительства твердой решимости вести войну несмотря ни на что и скорее пасть, чем уступить хоть вершок Русской земли. Посему-то ополчение, при такой обстановке, не ознаменовалось ни порывом, ни самопожертвованием. Но как бы ради нового опыта возобновить эпоху и нравственные силы 12-го года, общественный голос России, как некогда в 12-м году на Кутузова, указал на Ермолова... Сорок лет прошли с той славной эпохи; голос народа не был понят, — и Ермолов оказался в бездействии. Напрасно дожило славное имя до дня великой борьбы: им не воспользовались, не воспользовались тем, что, казалось, предполагала сама судьба, как бы нарочно сберегшая до сей поры Ермолова; бесполезен оказался пример 12-го года. Все нравственные пружины, средства, силы обратились в ничто, и ярко представилось разъединение правительства с народом. — Между тем, неслыханное геройство наших моряков и других войск, лишенных современных средств оружия, остановили успех неприятелей. 11 месяцев осаждался Севастополь и был, наконец, отдан врагам. Наши славные адмиралы, наш славный Черноморский флот погиб на сухом пути. И наконец, правительство России, еще имеющей довольно сил, еще не побежденной, согласилось на унижительный мир.

Вот до чего довела Россию система отчуждения от народа. Вот до чего довело Россию заочное ее управление из Петербурга. Вот необходимое следствие того, что центр России, ее столица, — на краю, вне ее, среди чуждого племени, далеко от исторических русских преданий, от современной жизни русского народа, который есть единое живое ядро русского государства. Может ли быть, должно ли быть иначе? Удивительно еще, как долго боролась Россия с этим страшным внутренним злом, как долго держались ее богатые силы! Какое полное непонимание, грабеж, угнетение и всякого рода неправды нужны были, чтобы довести ее до этого страшного, бедственного состояния, когда язва, таившаяся под наружным блеском, наконец, обняла все внутреннее управление государства и ярко выступила наружу!

III

Вследствие разрыва правительства с народом явились две столицы: народная (или земская) и правительственная (или государственная). При таком раздвоении, при отделении правительственного центра от центра народного, добра быть не может. Мы видим это перед глазами. Мы видим, до чего довела нас петербургская система. Мы видим, какие гонения и страшные плоды принесло отделение правительства от народа.

Из всего сказанного необходимо вытекают следующие заключения:

Средоточие правительства должно быть там же, где средоточие народное. Это необходимое условие благоденствия страны.

В России, наоборот, средоточие правительственное уже полтора столетия находится вне средоточия народного. Это неизбежный источник всех ее бедствий и зол.

Для благоденствия России средоточию правительственному необходимо вернуться в средоточие народное.

Другими словами: *правительству необходимо перенести свою столицу из Петербурга в Москву.*

Теперь настало к тому время. История дала нам грозный и красноречивый урок, она предупреждает нас о гибели, нас ожидающей, если не изменим мы пагубной полуторасотлетней системы, она раскрывает нам смысл петербургского периода, неразрывно связанного с Петербургом как столицей. Да воспользуемся же мы этим спасительным уроком! Да извлечется из тяжких событий этих годов польза для нас. А польза может быть извлечена великая, — такая польза, что благословим мы наши поражения и неудачи! И возблагодарим Бога, ими просветившего нас. Повторяем: настало время, не пропустим его! Россия и Петербург-столица — несовместимы. Пора правительству вернуться в Россию, пора возвратиться из Петербурга в Москву. Великое благое начинание, великая истинная польза возможны лишь при этом условии, т. е. при возвращении столицы в Москву; без этого добра не будет.

Как некогда сказали самозванцу дальновидные иезуиты: «Если хочешь попрасть русскую народность, оторваться и удалиться от России, то ты должен оставить Москву и основать новую столицу: а без этого в своем намерении не успеешь», — так только теперь можно сказать Царю: «Если хочешь оживить народность, если хочешь пути русским, а не иное — путем, если хочешь воротиться в Россию и возобновить союз Царя и России, — то ты должен оставить Петербург, воротиться в Москву: без этого в своем намерении не успеешь».

Что может мешать теперь этому необходимому возвращению средоточия нравственного в средоточие России? Считается ли нужной защита берегов Балтики? Но от этого нисколько не ослабеет эта защита. Петербург, вредный как столица, пусть останется портовым городом и крепостью. Защита Севастополя показала, как сражаются Русские за отдаленный клочок своей земли. Точно так же дрались бы они и за Петербург, как скоро бы он был портовым городом с военною гаванью и крепостью. Теперь же опасение правительства за Петербург (а опасение возникает легко, ибо Петербург на аванпостах государства) связывает действия правительства и склоняет его к уступчивости. Чувства же народные к Петербургу как к *столице* возбуждены неблагоприятно. Но будь Петербург — просто город портовый, то и сочувствие к нему в народе было такое же или почти такое же, как к Севастополю. Итак, опасение правительства за Петербург усилено именно тем, он — столица; а опасение народа за Петербург ослаблено, потому что опять он — столица.

Скажут ли, возражая против перенесения столицы из Петербурга, что на Петербург много истрачено средств и денег и что жалко их бросить? — Но лучше бросить богатые убранства, чем источник богатства, лучше бросить деньги, чем источник денег или, как сказал кто-то на подобный вопрос: если я бросил за окно миллионы, должен ли я бросить за окно еще и другие миллионы? Ведь теперешнее благоденствие Петербурга покупается ценою благоденствия России.

Сделают еще возражение, и это единственное, которое имеет некоторую основательность, а именно: укажут на необходимость и выгоду быть ближе к России, чем к Европе. С Европою нашему правительству нужно только *сноситься*, но среди России оно должно *жить*. Условие *жизни* несравненно важнее условия *сношения*. Жизнь в России важнее для русского правительства, чем сравнительно более скорое сношение с Европою. Теперь же и это требование быстрого сношения или сообщения вполне удовлетворяется настоящими средствами — устройством железных дорог и электрических телеграфов. Итак, возражение о надобности быть ближе к Европе вполне и совершенно опровергнуто. Быстрота сношения с Европою, очевидно, не теряет нисколько. Никакая быстрота сношения не заменит *пребывания*. Никакая быстрота сношений не даст этой нравственной атмосферы, этого русского воздуха, которым должно дышать русское правительство и которым дышать дает возможность одно пребывание. Итак, пребывание для русского правительства необходимо в России, в ее жизненном средоточии, историческом и духовном, — следовательно: в Москве.

Будь только перенесена столица в Москву, и в то же мгновение чувство возрожденной жизни проникнет всю Россию чувство обновления разольется повсюду. Естественность средоточия правительственного в средоточии народном ощутится во всех концах Российского огромного государства, все силы которого насильственно были направлены к краю, к углу, чуждому для России. Далее: пребывание правительства в Москве даст ему возможность видеть и понимать Россию, а России — быть полезною для правительства. Дальнейшие полезные меры откроются вследствие разумения правительством России, вследствие вновь возникшего союза Царя и народа.

Только тогда, когда столица будет перенесена в Москву, униженный мир, в настоящее время заключенный, может потерять всю едкость стыда, с ним соединенного. Только одно это может утешить Россию в таком мире. Пусть это мир явится и следствием, и заключением прежней петербургской системы, последним делом Петербурга. Пусть с этой минуты Царь и Россия, после долгой разлуки и горького, мучительного опыта, вновь соединятся в правительственной и народной столице Москве, начнут новый путь добра, силы, чести и славы.

История, вся русская современная жизнь громко говорят о том, ясно указывают на единую истинную русскую столицу. Москва — столица: это дело веков, свободное дело русской исторической жизни, дело не временное, а вечное. Любовь России окружает Москву и теперь и сильно, освежительно и вразумительно действует на русскую душу. Славные, живые воспоминания хранит в своей памяти Москва; она помнит и подвиги веры, и подвиги народа, и подвиги царские. В ней утвердился и соблюдался союз Царя с народом; в ней Царь России думал думу вместе с Россией на Земских Соборах. Святые мужи, чудотворцы московские, в ней прославились и окружили ее хранительною небесною ратью. — Недаром Москва жива, и жива к ней любовь России. Не вотще говорят так красноречиво ее Кремль, ее соборы, ее чудотворные иконы, мощи святых угодников, почивающих в ней... Москва ждет Царя, и вместе с нею ждет Царя Россия, уже полтора столетия лет ее покинувшего и правящего ею заочно. — Громадные события заговорили заодно с нею; все убеждает, все зовет... Недаром, может быть, впервые со времени Петра русский Царь родился в стенах Москвы, на священных высотах Кремля...

